

Снова гости

Всё это выглядело крайне подозрительно.

Сяо Жун лично наблюдал за тем, как Цюй Юньме составлял то послание. Великий ван писал его с явной неохотой, испортив три листа бумаги, прежде чем закончил. В письме прямо говорилось, что Хуан Яньцзюну надлежит явиться для обсуждения похода на сяньби. Подобное предложение, сулящее лишь трату людей и провианта, едва ли могло вызвать у инспектора восторг. Однако в тексте было употреблено слово «справедливость», и, дабы не прослыть в глазах света бесчестным подлецом, гостю не оставалось ничего другого, кроме как, стиснув зубы, отправиться в путь.

Юноша рассчитывал, что тот прибудет не раньше июля, но Хуан Яньцзюн объявился столь скоро, что, судя по срокам, выехал едва ли не на следующий день после получения письма. Сяо Жун почуял подвох, но, не имея на руках иных зацепок, не мог предугадать, что именно задумал неожиданный визитёр.

Время было позднее — шел второй ковш часа Собаки. Городские ворота давно заперли, в Чэньлю вовсю действовал комендантский час, и жители, погасив огни, готовились ко сну. По правилам приличия, приезжему следовало доехать до военного лагеря, предъявить грамоты и переждать ночь среди солдат, дабы на рассвете отправить вестового. Совещание — дело не к спеху, и инспектору округа не подобало тревожить покой принца крови в столь неурочный час.

Пока советник размышлял об этом, лицо Цюй Юньме окончательно омрачилось. Одно упоминание имени Хуан Яньцзюна приводило его в дурное расположение духа. Впрочем, Великий ван не был мелочен: коль скоро путник проделал столь долгий путь, не стоило держать его под стенами до утра. Поскольку других важных дел у него на вечер не осталось, он велел страже впустить гостя.

Видя, что намечается официальный прием, Мицзин поспешил откланяться. Юй Шаосе тоже счел, что его присутствие при встрече будет излишним, и, попрощавшись, ушел вместе с монахом.

Гао Сюньчжи взглянул на Сяо Жуна:

— А Жун, ты хочешь его видеть?

Тот кивнул:

— Нужно поглядеть, что за снадобье он прячет в своей тыкве. Идите поживать, канцлер. Время позднее, едва ли мы станем обсуждать что-то важное. Перебросимся парой слов и отправим их

отдыхать.

Гао Сюньчжи согласился: в самом деле, кто наносит важные визиты в такую темень? Вскоре в зале остались лишь Цюй Юньме и его советник.

Великий ван покосился на юношу, желая завязать разговор, но Сяо Жун, не поднимая головы, сухо произнес:

— Помните о гостеприимстве, государь.

Цюй Юньме лишь хмуро буркнул и отвернулся.

***

Хотя стража доложила лишь об инспекторе Хуане, чиновник такого ранга не мог путешествовать в одиночку. Его сопровождали полтора десятка человек, но в зал за ним вошли лишь двое: один — в одеждах книжника, другой — в воинском доспехе.

Первому на вид было лет тридцать-сорок. Типичный представитель ученого сословия: на лице застыла вежливая, выверенная улыбка. Возраст второго определить было сложнее — на вид не то восемнадцать, не то двадцать. Он хранил угрюмое молчание, сжимая в руках предмет, обернутый синим шелком. Судя по очертаниям, это был меч.

Сяо Жун бегло окинул взглядом свиту и переключил внимание на самого Хуан Яньцзюна. Это был крепкий мужчина среднего роста с окладистой бородой, которую он, по обычаю жителей Центральной равнины, подстриг аккуратным клинышком. В свои тридцать четыре года некоторые мужчины уже нянчили внуков, но инспектор, очевидно, находился в самом расцвете сил. От него веяло силой и статью, но юноше он сразу не понравился. Лицо чиновника, на первый взгляд открытое и радушное, таило в себе некую скрытую свирепость.

Хуан Яньцзюн, в свою очередь, тоже изучал присутствующих. Его взгляд задержался на Цюй Юньме. С их последней встречи прошло десять лет; за это время гость почти не изменился, а вот Великий ван стал совсем иным человеком. Хуан Яньцзюн на миг опешил, явно пораженный увиденным, но быстро взял себя в руки. В его взоре промелькнул вызов.

Цюй Юньме сидел в центре зала, и при виде этого вызывающего взгляда его глаза опасно сузились. Насладившись произведенным эффектом, инспектор наконец отвел глаза и посмотрел на второго человека в комнате. Посмотрел — и замер как вкопанный.

Великий ван не собирался вставать навстречу гостю, а Сяо Жун, будучи интендантом Чэньлю, стоял по рангу выше инспектора округа. Потому он с полным правом остался сидеть, встречая взгляд Хуан Яньцзюна спокойным взором. С самого появления этого человека Сяо Жуна не покидало странное чувство, хотя никакой явной угрозы он не ощущал.

Юноша не понимал, отчего этот хитрый делец так явно выказал изумление при виде его лица.

Пока советник гадал о причинах такой реакции, Хуан Яньцзюн прошел в зал. Вместо поклона он разразился громким хохотом, пытаясь за шумом скрыть нарушение этикета.

— Сколько лет миновало! Чжэньбэй-ван, надеюсь, вы пребываете в добром здравии?

Цюй Юньме едва подавил желание пнуть наглеца, ограничившись лишь ледяной усмешкой:

— Весьма добром. Присаживайтесь, инспектор Хуан.

Тот не спешил садиться. Его взгляд снова скользнул к Сяо Жуну, а улыбка стала какой-то двусмысленной:

— Позвольте узнать, кто этот достойный муж?

— Это господин Сяо, мой советник и новоназначенный интендант Чэньлю, — ответил Цюй Юньме.

Титул «инь» появился недавно, и по закону так могли именоваться лишь столичные чиновники. Однако за годы смут и мятежей правила стали не столь строгими. Называть главу резиденции вана интендантом было вольностью, граничащей с нарушением, но в рамках нынешних порядков это считалось допустимым. По рангу интендант стоял вровень с губернатором области, так что гостю следовало бы первым приветствовать Сяо Жуну.

Но коль скоро он пренебрег поклоном Великому вану, то и Сяо Жуну жаловать не собирался. Инспектор снова издал странный смешок:

— О, как я мог ошибиться! Помнится, Великий ван всегда питал отвращение к подобным... «излишества».

Фраза была туманной, но любой, у кого в голове было хоть немного разума, понял бы намек.

«Что не так с этим человеком? — Сяо Жун опешил. — Неужто он проделал такой путь лишь затем, чтобы найти свою смерть?»

Цюй Юньме резко поднялся. Лицо его потемнело от ярости. Позабыв о всяком гостеприимстве, он процедил:

— Ты гнал коней день и ночь до самого Чэньлю лишь для того, чтобы свести счеты с жизнью?

Сяо Жун невольно замер.

«... — пронеслось у него в голове. — Это же была моя реплика!»

Впрочем, Хуан Яньцзюн тут же сменил тон. Он примирительно улыбнулся:

— Полноте, Великий ван, это лишь шутка. Не принимайте близко к сердцу. Я прибыл сюда, дабы обсудить важные дела, о которых вы писали, а еще — оттого что истосковался по нашей дружбе. В Цзиньлине мы не всегда ладили, и я весьма признателен вашему величию за великодушие. Дабы загладить прошлые обиды, я привез вам в дар драгоценный меч.

С этими словами он сложил руки в приветствии и подал знак своему спутнику.

Юноша, державший сверток, нахмурился. Природное чутье подсказывало ему: что-то здесь не так. Хуан Яньцзюн не был из тех, кто лезет на рожон без нужды. Но воин, как и Сяо Жун, не мог разгадать замысел инспектора и не понимал, какую ловушку тот приготовил. Он послушно подошел, опустил на одно колено и обеими руками протянул подношение.

Цюй Юньме бросил на инспектора тяжелый взгляд и сорвал шелковую ткань.

Перед ним лежал великолепный клинок; даже ножны были сработаны с величайшим мастерством. Великий ван никогда не отказывался от доброго оружия. Он взял меч в руки, оценивающе осматривая его. Сяо Жун, наблюдавший со стороны, не заметил ничего подозрительного. Налюбовавшись, Цюй Юньме обхватил рукоять, собираясь обнажить сталь.

Хуан Яньцзюн замер, затаив дыхание.

Советник, следивший за гостем краем глаза, мгновенно почуял неладное. Но прежде чем он успел раскрыть рот, Цюй Юньме рванул клинок из ножен. Едва металл показался наружу, лицо Великого вана изменилось. Он выхватил меч целиком и замер в ярости: клинок был переломлен.

В памяти всплыла старая обида. В те годы, когда Цюй Юньме был молод и красив, придворные в императорском дворце Цзиньлиня велели ему исполнить танец с мечом. Хуан Яньцзюн, не желая, чтобы юноша затмил всех, тайком подпилил его клинок. Цюй Юньме, ничего не подозревая, вышел в круг и обнажил обломок под издевательский хохот вельмож. Его тогда жестоко наказали, и никто не заступился за него — лишь смех и презрение преследовали его по пятам.

Это было одно из самых горьких унижений в его жизни, воспоминание о котором до сих пор жгло душу. И теперь этот человек, истинный виновник того позора, снова посмел поднести ему обломок клинка, втапывая его честь в грязь.

Великий ван побелел от гнева. Сяо Жун, не знавший о прошлом, тем не менее кожей ощутил надвигающуюся бурю. Он вскочил с места, вскрикнув:

— Великий ван!

Вне себя от ярости, Цюй Юньме сжал рукоять сломанного меча. Картины былого унижения замелькали перед глазами. Он еще не решил, как поступит, но, услышав голос юноши, машинально обернулся. Встретив полный тревоги и напряжения взгляд Сяо Жуна, Великий ван опешил, и его пальцы, на которых вздулись жилы, немного ослабили хватку.

Книжник за спиной Хуан Яньцзюна, доселе сохранявший невозмутимую улыбку, внезапно застыл. Этот мимолетный жест не укрылся от его внимания. «Дело принимает скверный оборот».

В следующий миг Цюй Юньме, уже не глядя на советника, швырнул ножны. Он метил точно: тяжелое дерево ударило инспектора по колену с такой силой, что тот, охнув от боли, рухнул на колени.

— Что это значит?! — прорычал Великий ван. — Ты принес мне обломок, желая, чтобы я снес тебе голову?!

Хуан Яньцзюн, обливаясь холодным потом от боли, понял: задуманное не случилось. Он поспешно изобразил на лице крайнее изумление:

— К-как... как он мог сломаться?! Великий ван, смилуйтесь! Неужто я настолько безумен, чтобы творить такое?! Это же верная смерть!

Цюй Юньме кипел от ярости, но в словах инспектора была доля истины. Сейчас он был полновластным господином в своих землях, и Хуан Яньцзюн был в его власти. Впрочем, убивать его он не собирался — Великий ван был в долгу перед Хуан Яньцинем, и, пока его брат не покушался на жизнь принца, рука Цюй Юньме была связана.

Хуан Яньцзюн продолжал лепетать, вытирая пот со лба:

— Перед выездом я лично проверял его, клинок был цел! Не знаю, почему он...

Он запнулся и посмотрел на воина, преподнесшего дар. Тот стоял на коленях, бледный как полотно, понимая, что теперь гнев падет на него.

Сяо Жун прищурился. Кажется, он начал понимать суть игры. Юноша подошел к Великому вану и негромко произнес:

— Государь, время позднее. Коль скоро с даром инспектора Хуана вышла такая незадача, пусть он преподнесет другой завтра.

Затем он перевел взгляд на коленопреклоненного чиновника:

— Ведь инспектор Хуан подносил дар от чистого сердца, не так ли?

— Разумеется! — поспешно выдохнул тот.

Сяо Жун тонко улыбнулся:

— Я верю в вашу искренность. Однако такая оплошность... это весьма неосторожно с вашей стороны. Подносить сломанный меч — дурной знак. Если слухи об этом разойдутся, люди могут заподозрить вас в недобрых помыслах.

Хуан Яньцзюнь замолчал.

Теперь он чувствовал себя так, словно проглотил горькое снадобье и не мог его выплюнуть. Замысел провалился, а на него самого пало тяжкое подозрение. Не в силах оправдаться, он лишь низко склонил голову.

Сяо Жун про себя усмехнулся.

«Верно, все эти провокации вначале были лишь притворством, дабы разжечь гнев Цюй Юньме»

Он вздохнул:

— Полноте, государь. На сегодня довольно. Завтра поутру мы обсудим и этот досадный случай, и наш поход на сяньби вместе с инспектором Хуаном.

У последнего похолодело внутри. План не сработал, и теперь он сам оказался на крючке. Ему уже хотелось бросить всё и бежать прочь из этого города.

Цюй Юньме хранил угрюмое молчание, сверля инспектора взглядом. Его глаза, точно два отравленных клинка, впивались в Хуан Яньцзюня, не давая тому и вздохнуть. Посмотрев так на него долгую минуту, Великий ван внезапно швырнул обломок меча прямо под ноги гостю. Сталь вонзилась в землю у самого края одежд чиновника, пригвоздив ткань к полу.

Хуан Яньцзюнь, глядя на дрожащий обломок, ощутил в голове гулкую пустоту. Окажись клинок чуть ближе — и он пробил бы ему череп.

Цюй Юньме резко развернулся и вышел прочь. Сяо Жун велел страже проводить гостей к их покоям и поспешил вслед за Великим ваном.

Книжник из свиты инспектора, не поднимая головы, провожал взглядом удаляющуюся фигуру советника.

***

Увидев, как Цюй Юньме и Сяо Жун в спешке выходят из зала, Юй Шаочэн заподозрил неладное и последовал за ними. Великий ван, ворвавшись в свои покои, метался из угла в угол, точно загнанный зверь. Гнев требовал выхода.

Сяо Жун переступил порог как раз в тот миг, когда его господин мощным ударом ноги опрокинул массивное каменное украшение. Валун, бывший выше самого вана и весивший добрых восемьсот цзиней, с грохотом повалился на пол.

Сяо Жун лишь покачал головой.

«Боги, сколько же в нем дури...»

В ту пору камни озера Тайху еще не вошли в моду, так что это была обычная, хоть и причудливая скала. Именно из-за её веса и малой ценности инспектор Чэньлю и оставил её здесь. От удара камень раскололся, заставив советника лишь горестно вздохнуть.

— Великий ван, — произнес он, — на досуге я велю смастерить для вас куклу-неваляшку. Если разгневаетесь, бейте её сколько душе угодно, но умоляю — пощадите свои покои.

Цюй Юньме обернулся к нему с искаженным от ярости лицом, словно готов был сожрать юношу на месте. Но Сяо Жун и глазом не моргнул. Он посмотрел на застывшего в дверях Юй Шаочэна:

— Командир Юй, будьте добры, разузнайте имена тех двоих, что прибыли с инспектором Хуаном. Особенно меня интересует тот воин, что подносил меч. Выясните всё до мельчайших подробностей.

Юй Шаочэн глянул на Великого вана и, не встретив возражений, поклонился и ушел.

Цюй Юньме гневно спросил:

— Зачем тебе это?

— Неужто вы не находите всё это странным? — ответил Сяо Жун. — Сначала он летит во весь опор, не зная отдыха. Затем требует приема ночью, не боясь потревожить ваш сон. И, наконец, эти открытые провокации... Мне кажется, Хуан Яньцзюн спит и видит, чтобы вы убили его спутника.

Гнев на лице Великого вана сменился недоумением:

— Зачем ему это?

Сяо Жун усмехнулся:

— Это мы узнаем, когда вернется Юй Шаочэн. Но если я не ошибаюсь, имя того воина тоже начинается на «Хуан».

Цюй Юньме не был глуп. Стоило советнику направить его мысли, как детали начали складываться в единую картину. Внезапно он выпалил имя, в котором звучало нескрываемое изумление:

— Хуан Кэцзи?!

Сяо Жун лишь покачал головой.

«О чем думали родители, давая ребенку такое имя? — размышлял он. — «Победи себя» — ну и ну»

Юноша налил себе чаю, сел напротив Великого вана и приготовился слушать рассказ о Хуан Кэцзи.

Оказалось, что этот воин — единственный сын Хуан Яньциня. У того в жизни было всё, кроме наследника: множество жен и наложниц рожали ему лишь дочерей. Наконец одна из наложниц принесла ему сына, когда он был уже в годах.

О дальнейшей судьбе мальчика Цюй Юньме не знал — в тот год, что он провел в их краях, ребенок был еще совсем крохой. Но чем больше он вспоминал, тем яснее становилось: черты лица того воина точь-в-точь повторяли лик того младенца. Десять лет назад Хуан Кэцзи было шесть лет, сейчас — шестнадцать. Он лишь на два года старше Сяо И.

Цюй Юньме никогда не интересовался чужими семейными тайнами, но Сяо Жун сам достроил остальное:

— Главой рода был Хуан Яньцин. Не умри он столь рано, всё состояние перешло бы Хуан Кэцзи. Но судьба распорядилась иначе: мальчику было лишь девять, когда он остался сиротой.

Хуан Яньцзюн прибрал к рукам имущество брата и взял племянника под опеку. Окружающие лишь хвалили его за доброту, но для самого инспектора племянник — заноза в сердце. Ведь когда Хуан Кэцзи вырастет, старые слуги брата потребуют вернуть наследство законному владельцу.

— Словно Ли Сюхэн и мой старший брат, — негромко произнес Цюй Юньме.

Сяо Жун на миг замер, не ожидая такого сравнения, а затем кивнул:

— Да, положение схожее. Но клан Хуан — не Армия Чжэньбэй. Ли Сюхэн — ничтожество, а Хуан Яньцзюн — человек хваткий. Жизнь Хуан Кэцзи едва ли была сладкой под пятой столь властного дяди.

Избавиться от наследника, да еще и чужими руками — какой изящный ход! Хуан Яньцзюн решил одним выстрелом убить двух зайцев: убрать племянника, обеспечив себе покой, и опозорить Цюй Юньме. Убить единственную плоть и кровь своего благодетеля — неважно за что — значит навеки покрыть себя позором. Весь мир отвернулся бы от Великого вана, а у Хуан Яньцзюна появился бы неоспоримый повод для войны. «Как жестоко...»

Советник поежился и поспешил закрепить урок в голове Цюй Юньме:

— Благодарите богов, что не поддались порыву. Иначе это клеймо не смыть было бы до конца дней. Если бы Хуан Кэцзи пал от вашей руки, не только книжники извели бы вас своими речами — вся Поднебесная презирала бы вас.

Цюй Юньме осознал всю тяжесть едва не совершенного поступка и тяжело вздохнул. Не только людской суд — он сам бы никогда не простил себе такой ошибки. Но Великий ван не привык долго терзаться сомнениями; он предпочитал действовать.

Спустя мгновение его раскаяние сменилось новой вспышкой гнева на коварного инспектора. Ударив по столу, он выпалил:

— Клянусь, если я не убью Хуан Яньцзюна — я не человек!

Сяо Жун едва не схватился за голову.

«Опять... опять, опять он за своё! — негодовал он про себя. — Твои мозги будто после подтяжки — такие гладкие, что кроме убийства ты ни о чем и подумать не можешь!»

— Нельзя! — пресек его советник. — Мы раскрыли его замысел, но у нас нет доказательств его коварства. Если вы убьете его сейчас, в глазах мира он останется невинной жертвой. Неужто вы хотите сделать ему имя, вызвав сочувствие у всей Поднебесной?

Цюй Юньме приумолк, признавая правоту юноши. Видя, что тот прислушался, Сяо Жун продолжил:

— К тому же, если он умрет, с кем мы пойдем на сяньби? Среди всех правителей лишь у Хуан Яньцзюна войско стоит чего-то. Коль скоро он сегодня проиграл, ему придется откупаться. А нам в строящейся столице любая помощь не лишняя. Зачем отказываться от того, что само идет в руки?

Советник тонко улыбнулся:

— А еще у нас есть Хуан Кэцзи.

Цюй Юньме в недоумении уставился на него:

— При чем здесь он?

— Вы ведь долго томились этим долгом благодарности, государь? — произнес Сяо Жун. — Не пришло ли время отдать его сполна?

<http://bllate.org/book/15355/1422670>